
А. В. ГОТНОГА

**ПОЛИТЭКОНОМИЯ К. МАРКСА:
ПЕРЕЖИТОК ПРОШЛОГО
ИЛИ НАУКА БУДУЩЕГО?**

Основная проблема современной экономической науки, на наш взгляд, заключается в том, что ни одна из ортодоксальных теорий (не только собственно экономических, но и социологических, антропологических, культурологических и т. д.) не может справиться с теми научными задачами, которые успешно решала политэкономическая «ересь» марксизма. В нашей стране многие экономисты (особенно провинциальные), еще вчера слепо поклонявшиеся Марксу, Энгельсу и Ленину, чтобы не прослыть «еретиками» и не подвергнуться анафеме, сегодня стали адептами экономикса. Некоторые из отечественных ученых, кому в силу особенностей «национального» характера такой бесплодный формализм не по душе, поддались в безобидное для мейнстрима сектанство («российская школа экономической мысли», «философия хозяйства», экономическая социология, экономическая антропология и т. д.). К ним также примыкают и те, кому честолюбивые помыслы не дают покоя от того, что им не достались и/или никогда не достанутся высокие должности и звания в церкви экономикса. Таким образом, можно констатировать, что отказ от марксизма за редким исключением имеет венаучные основания. Убеждение в этом только усиливается, если обратиться к конкретным достижениям марксистской политэкономической и социально-философской мысли.

Конечно, прежде всего необходимо дать адекватную оценку тому, что совершил сам К. Маркс. Сделать это одновременно и легко, и трудно. Легко, потому что величие гения К. Маркса признают даже его самые серьезные критики и оппоненты – ученые с мировым именем и представители высших деловых кругов Запада. «С Марксом все в порядке сегодня, – замечает С. Жижек, – даже на *Философия и общество, № 4, октябрь – декабрь 2011 70–86*

Уолл-стрит есть люди, которые любят его: Маркса-поэта товаров, давшего совершенное описание динамики капитализма, Маркса, изобразившего отчуждение и овеществление нашей повседневной жизни»¹. В то же время адекватно оценить научное наследие К. Маркса трудно, поскольку для этого требуется обратиться к диалектике, методом которой виртуозно владел великий классик. Многие исследователи (не только экономисты) не придавали (и не придают до сих пор) должного значения данному обстоятельству, считая, что диалектика есть либо дань уважения Маркса по отношению к его учителю, Гегелю, либо вообще досадное недоразумение. Однако диалектический метод для К. Маркса был универсальным ключом к познанию, силу которого он, в частности, продемонстрировал на предмете политической экономии, раскрыв его во всей полноте и так глубоко, как не удавалось и вряд ли удастся кому-нибудь из буржуазных экономистов. Таким образом, только через понимание диалектической логики можно прийти к пониманию и политэкономии К. Маркса. К такому выводу в свое время пришел В. И. Ленин. К такому выводу приходим и мы.

Главный научный труд К. Маркса – «Капитал». Именно в этом произведении великий классик в полной мере реализовал отточенный им до совершенства диалектический метод. В изучение логики (то есть метода) «Капитала» крупный вклад внесли выдающиеся советские философы Э. В. Ильенков и В. А. Вазюлин. Они показали, какое огромное значение в этом фундаментальном исследовании имел *метод восхождения от абстрактного к конкретному*.

Пожалуй, первым, кто дал описание этого метода, был выдающийся классик немецкой философии Ф. В. Й. Шеллинг. «...Мы нуждаемся в разворачивании, развитии, – писал он, – которое охватит не только все реально выдвинутые взгляды, но и все те, какие вообще можно выдвинуть; мы нуждаемся в разворачивании, самый метод которого воспрепятствует тому, чтобы хотя один мыслимый взгляд был пропущен. Такой метод может быть методом восхождения, а именно, исходя из первого возможного взгляда, мы, снимая его, переходим ко второму и так, снимая предшествующий, всякий раз закладываем основу последующего – до тех пор, пока не дос-

¹ Жижек, С. 13 опытов о Ленине. – М.: Ад Маргинем, 2003. – С. 5.

тигнем того, для которого уже не будет последующего, каким он мог бы быть снят, – таковой взгляд и будет не просто могущий быть истинным, но он явится в качестве *необходимо истинного*².

Заметим, что разворачивание, развитие мысли идет именно в направлении от *абстрактных* понятий (категорий) к *конкретным*, от более бедных и односторонних в содержательном отношении определений к более богатым и всесторонним. В конечном счете все эти понятия выстраиваются в единую *иерархическую* систему, которая и есть наиболее полное отражение действительности. Так получается *конкретное* знание.

Это в корне противоречит представлениям о природе *конкретного*, сложившимся в формально-логической традиции познания. Данная традиция, которую Э. В. Ильенков назвал за присущий ей психологизм «узкогносеологической», отождествляет «конкретное» с чувственно-непосредственным восприятием единичного объекта, а «абстрактное» – с мышлением³. Этой узкогносеологической линии придерживалась буржуазная экономическая наука до и после К. Маркса. В методологическом плане это выражалось приверженностью одних исследователей методу *индукции* (А. Смит и др.), других – методу *дедукции* (Д. Рикардо и др.). Однобокость и ущербность обоих методов очевидна. Что касается индукции, то научно достоверные результаты может дать только полная индукция, что по отношению к такому сложному предмету, как экономика, осуществить невозможно. Отсюда, между прочим, возникает *описательный* характер («дескриптивизм») экономикса, проповедуемый в качестве метода таким грандом мейнстрима, как П. Самуэльсон⁴. Недостаток же дедукции заключается в априорности ее основополагающих суждений, их догматизации и оторванности от реальной действительности. Дальнейшее развитие теории, целиком полагающейся на дедукцию, будет идти лишь по пути все большего выхолащивания ее содержания и безмерной математической формализации. Преодолеть односторонность обоих методов может

² Шеллинг, Ф. В. Й. Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2. – С. 162.

³ Ильенков, Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 9.

⁴ Дзарасов, С. С., Меньшиков, С. М., Попов, Г. Х. Судьба политической экономии и ее советского классика. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – С. 195.

только диалектика восхождения от абстрактного к конкретному. Только с ее помощью и может быть получен научный *синтез*, то есть наиболее полное, глубокое и достоверное знание о предмете. Эту грандиозную задачу и решил в «Капитале» Карл Маркс.

Э. В. Ильенков был уверен, что узкогносеологический подход есть удел доживающих свой век «пошлых школок неокантианства и позитивизма»⁵. К сожалению, с крушением СССР упомянутые «школки» из разряда маргинальных превратились в доминирующие направления в отечественной философии науки и теории познания. Поэтому сегодня вновь приходится указывать на изъяны насаждаемых ими методологических принципов, вновь говорить о вреде «ползучего эмпиризма» (Ф. Энгельс), который в обличье математически утонченного «дескриптивизма» навязывается все новым и новым адептам экономикса, но не решает фундаментальных теоретических проблем⁶.

Методология экономикса сводится к технической процедуре, состоящей из трех этапов: 1) сбор фактов и данных; 2) выдвижение рабочей гипотезы; 3) экспериментальное тестирование гипотезы⁷. Совсем иную логику имеет методология «Капитала». Как показал В. А. Вазюлин, специфика логики «Капитала» выясняется в сравнении с диалектикой «Науки логики» Гегеля⁸.

Предметом исследования в «Капитале» является капиталистический способ производства. Самый важный и трудный вопрос, от решения которого зависит дальнейший ход и результаты исследования, заключается в определении логического *начала* предмета исследования. Дело в том, что, как учил Гегель, главное для любой науки – то, что она «...в целом есть в самом себе круговорот, в котором первое становится также и последним, а последнее – также и первым»⁹. Конечно, речь идет не об исключаящем развитие бесконечном движении по кругу, а о восхождении мысли по спирали, обеспечивающем прогресс в научном познании. Но от этого проблема *начала* становится еще более острой. Гегель утверждал, что

⁵ Ильенков, Э. В. Указ. соч. – С. 13.

⁶ Дзарасов, С. С., Меньшиков, С. М., Попов, Г. Х. Указ. соч. – С. 212–213.

⁷ Там же. – С. 228.

⁸ Вазюлин, В. А. Логика «Капитала» Карла Маркса. – М.: Современный гуманитарный университет, 2002. – С. 30.

⁹ Гегель, Г. В. Ф. Наука логики. – СПб.: Наука, 2002. – С. 59.

«...начало должно быть *абсолютным*, или, что здесь то же самое, абстрактным началом; оно, таким образом, *ничего не должно предполагать*, ничем не должно быть опосредствовано и не должно иметь какое-либо основание; оно само, наоборот, должно быть основанием всей науки»¹⁰.

Начало поэтому есть *чистое бытие*. «...Природа самого начала требует, чтобы оно было бытием и больше ничем»¹¹. Собственно *началом*, *бытием* в узком смысле, в «Капитале» выступает *товар*, который, как считал К. Маркс, есть «форма экономической клетки буржуазного общества»¹². Из этой категории выводится другая экономическая категория – *деньги*. В логическом аспекте учение о товаре и деньгах соответствует *бытию капитала* в широком смысле¹³.

Почему К. Маркс начинает анализ капиталистического способа производства с товара, а не с какой-то иной экономической категории? Дело в том, что только из категории товара можно вывести все другие экономические категории, выстроив их в стройную систему политэкономического знания. Попытки сделать то же самое, отталкиваясь от какого-либо другого экономического явления, обречены на провал, что неслучайно. Ведь известно, что товарная форма продукта не есть изобретение капитализма. Она существовала задолго до его возникновения. Но, будучи исторической предпосылкой капитала, товарная форма содержит в себе «генетический код» капиталистического способа производства подобно тому, как живая клеточка несет в себе генетическую информацию об организме в целом¹⁴. Впрочем, «раскодировать» эту информацию можно только тогда, когда организм полностью развился, созрел. В этом суть диалектического понимания единства логического и исторического в научном познании¹⁵.

«Механизм» логики «Капитала» оказался сложнее «механизма» «Науки логики» Гегеля. Если в логике Гегеля имеется лишь один виток спирали (бытие – сущность – явление – действительность),

¹⁰ Гегель, Г. В. Ф. Указ. соч. – С. 57–58.

¹¹ Там же. – С. 60.

¹² Маркс, К., Энгельс, Ф. Избр. соч.: в 9 т. – М.: Политиздат, 1987. – Т. 7. – С. 6.

¹³ Вазюлин, В. А. Указ. соч. – С. 36.

¹⁴ Дзарасов, С. С., Меньшиков, С. М., Попов, Г. Х. Указ. соч. – С. 223.

¹⁵ Вазюлин, В. А. Указ. соч. – С. 355–384.

то в логике «Капитала» – два витка спирали: большой и малый. В логическом аспекте большой виток спирали логики «Капитала» подразделяется на учение о товаре и деньгах (*бытие* капитала), учение о процессе собственно производства капитала (*сущность* капитала), учение о процессе капиталистического обращения (*явление* капитала), учение о процессе капиталистического производства, взятого в целом (*действительность* капитала)¹⁶. *Бытие* капитала осуществляется в товарно-денежной форме. Однако, как уже говорилось, товарно-денежная форма не является собственно капиталистической формой. Поэтому для определения специфики товарно-денежной формы при капитализме требуется дополнительный логический анализ (и синтез), образующий малый виток спирали: исследование потребительной и меновой стоимости (*бытие* товара), стоимости вообще (*сущность* товара), форм стоимости (*явление* товара), процесса обмена и обращения товаров (*действительность* товара)¹⁷.

Движение мысли, восхождение от абстрактного к конкретному происходит по законам диалектики. Выделяют три таких закона: 1) единства и борьбы противоположностей; 2) взаимного перехода качества и количества; 3) отрицания отрицания. Главным является закон единства и борьбы противоположностей.

Узкогносеологический подход, то есть метафизический способ мышления, исключает существование противоречий в объективном мире. Объективный мир, с точки зрения метафизика (будь то позитивист или неокантианец), идеален и находится в постоянной гармонии. Поэтому никаких существенных изменений в нем происходить не может. Несовершенен лишь человек, разум которого и допускает противоречия в процессе мышления. Но в таких случаях на помощь человеку приходит формальная логика, в чьи обязанности входит устранение возникающих противоречий, в результате чего человеческий разум вновь обретает покой и все возвращается на круги своя. Таким образом, с точки зрения метафизики противоречия целиком имеют субъективную природу.

Диалектическая логика, напротив, постулирует объективный характер противоречий. Они не являются лишь досадным недора-

¹⁶ Вазюлин, В. А. Указ. соч. – С. 36, 40.

¹⁷ Там же. – С. 40.

зумением (хотя и такое возможно), а лежат в основе всего мироздания, проявляя себя на всех его уровнях. Через эти противоречия мироздание и обретает единство. Напротив, метафизика с ее мнимой гармонией это единство разрушает, что приводит к дуализму (учению об одновременном существовании двух различных и абсолютно самостоятельных субстанций) и эклектике (смешению несовместимых и разнородных методологических принципов и теорий). С такой ситуацией мы как раз сталкиваемся сегодня в экономической теории (и общественном знании в целом).

Единство через противоречия в логике «Капитала» К. Маркса имеет материальную природу. В этом заключается, пожалуй, самое главное отличие диалектики материалиста К. Маркса от диалектики идеалиста Гегеля. Великим научным открытием К. Маркса было *материалистическое понимание истории*. Благодаря этому открытию ему удалось «снять» идеализм Гегеля, тем самым значительно обогатив и углубив диалектический метод.

Значение материалистического понимания истории для науки в целом и политэкономии в частности трудно переоценить. По признанию известного французского философа Л. Альтюссера, материалистическое понимание истории стало подлинным открытием в пространстве научной теории континента Истории. За всю историю науки найдутся всего лишь два события, сопоставимые с этим: открытие древними греками континента Математики и открытие Галилеем континента Физики¹⁸.

Хотя диалектика, по твердому убеждению К. Маркса, «по самому существу своему критична и революционна»¹⁹, ему вряд ли удалось бы продвинуться дальше великих классиков политической экономии (А. Смита и Д. Рикардо) в познании предмета, если бы в основе этого метода не лежало материалистическое понимание истории. Именно материалистический монизм задает верное направление движению мысли, последовательному разворачиванию одной экономической категории из другой.

Выражением материалистического понимания истории в политэкономии является *трудовая теория стоимости*. К. Маркс, как известно, не был автором этой теории. Но благодаря своей мате-

¹⁸ Альтюссер, Л. Ленин и философия. – М.: Ад Маргинем, 2005. – С. 87.

¹⁹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Указ. соч. – С. 17.

риалистической позиции он смог развить ее, устранив теоретические ошибки его предшественников.

Заметим, что отношение исследователя к трудовой теории стоимости есть надежный критерий его классовых интересов. Так, в настоящее время трудовая теория стоимости часто подвергается критике отечественными экономистами. Непонимание диалектики заставляет некоторых исследователей регрессировать до уровня представлений физиократов, утверждавших, что лишь силы природы (земля) могут создавать стоимость. Напомним, что физиократы защищали в свое время интересы класса крупных земельных собственников континентальной Европы перед надвигающейся на них угрозой со стороны быстро растущего и крепнущего, но более прогрессивного класса буржуазии. Поэтому их методология сознательно была крайне реакционной, нацеленной на сохранение *status quo*, и не могла пойти дальше «чувственной непосредственности», то есть описательности, констатации того положения вещей в обществе, которое еще по инерции сохранялось некоторое время как пережиток феодального прошлого. Сегодня этот исторический факт игнорируется полностью, и уже не теория физиократов, а трудовая теория стоимости объявляется описательной и оторванной от реальной жизни. Так, по мнению А. В. Орлова, «инерция, связанная с приданием труду роли созидательной субстанции стоимости, на долгие десятилетия способствовала превращению экономической науки в преимущественно описательно-философские размышления, отвлекая ее научный потенциал от решения актуальных задач хозяйственной практики»²⁰. Взамен выдвигается «теория» энерго-содержащих продуктов. «При воспроизводстве энерго-содержащих продуктов, как правило, требуется меньше совокупных затрат энергии, чем содержится потенциальной энергии в добытом или извлеченном из природы энерго-содержащем продукте. При таком представлении труд человека освобождается от несвойственной ему способности выступать источником дополнительной энергии. Именно внутренняя особенность энерго-содержащих продуктов позволяет за счет содержащейся в них потенциальной энергии произ-

²⁰ Орлов, А. В. Энергосодержащие продукты – материальная основа стоимости и ценности // Проблемы современной экономики. – 2005. – № 3–4 (15–16) // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.m-econoray.ru/art.php3?artid=20877>. Дата доступа: 02.12.2010.

вести большее количество благ, чем требуется для простого их воспроизводства», – утверждает А. В. Орлов²¹.

Выдвижение сегодня «теории» энергосодержащих продуктов, очевидно, идеологически выгодно только собственникам энергосодержащих продуктов, то есть нефтяным и газовым магнатам. Эта «теория» закрепляет их привилегированное положение в экономике и обществе как единственных создателей стоимости, органично встраиваясь в проект превращения России в «энергетическую сверхдержаву». Другие собственники капитала не являются создателями стоимости и, следовательно, не могут претендовать на лидирующее положение в экономике и обществе. Эти собственники капитала работают с нулевым эффектом. В то же время отказ от трудовой теории стоимости снимает с хозяев энергетических монополий обязательства перед теми, кто хотел бы получить за свой труд хотя бы как за «рабочую силу».

Вряд ли такая «теория» может получить поддержку в тех странах мира, которые имеют высокотехнологичную, направленную на инновационное развитие экономику (а сегодня это не только страны Запада). Провинциализм «теории» энергосодержащих продуктов очевиден.

Если выдвижение данной «теории» в современной российской экономической науке можно расценить как попытку одной из доминирующих социальных групп обрести власть над другими представителями господствующего в обществе класса буржуазии, то отказ в свое время от трудовой теории стоимости в западной экономической науке был обусловлен страхом класса буржуазии в целом перед набирающим силы классом пролетариата. Чтобы избежать социальной революции на практике, потребовалось совершить «революцию» в теории. В результате так называемой «маржинальной революции» от классической политической экономии была «ампутирована» трудовая теория стоимости. Вместо нее к инвалидной экономической теории «пришили» теорию предельной полезности. Появившегося на свет теоретического монстра назвали «экономиксом», а оставшиеся после операции «шрамы» попытались скрыть математическими формулами. Впрочем, хромать от этого экономикс не перестал.

²¹ Орлов, А. В. Указ. соч.

«Методология маржинализма как экономической доктрины определяется, во-первых, подходом к обществу не как к целостности, а как к совокупности индивидов; во-вторых, доминантой экономики является потребление, но не производство; в-третьих, исходным пунктом цены является субъективная полезность (предпочтение), в результате чего весь подход к экономике оказывается субъективно-психологическим. Эти признаки диаметрально противоположным образом отличают маржинализм от трудовой теории стоимости»²².

Чем же так напугала трудовая теория стоимости в ее Марксовой интерпретации сильных мира сего, потребовавших вообще избавиться от данной теории? Марксова трудовая теория стоимости давала ключ к пониманию природы социального неравенства. Она утверждала, что источником всех имеющихся в обществе материальных благ является труд человека. Однако в обществе, поделенном на противоположные классы, материальные блага не принадлежат его непосредственным производителям, трудящимся, а присваиваются теми, кто на их труде паразитирует. В этом суть эксплуатации.

Но в капиталистическом обществе, проповедующем формальное равенство и свободу всех граждан, эксплуатация скрыта за внешней оболочкой товарно-денежных отношений. С помощью метода восхождения от абстрактного к конкретному К. Маркс раскрывает стоимостную сущность товара. Субстанцией же или причиной, производящей сущность, является абстрактный труд, то есть труд без учета каких-либо качественных различий (труд вообще)²³. Стоимость, конечно же, имеет меру. Мерой стоимости выступает лишь общественно необходимый труд, а ее непосредственной мерой – общественно-среднее рабочее время²⁴. Капитал же есть самовозрастающая стоимость. Следовательно, его сущность – не просто стоимость, а *прибавочная стоимость*. Поскольку обращение товаров в капиталистической экономике происходит в соответствии с законом стоимости (товары обмениваются по одинаковой стоимости), то прибавочная стоимость (сущность капитала, следовательно, и сам капитал) из обращения возникнуть не может.

²² Зяблук, Р. Т. Стоимость и полезность: дис. ... д-ра экон. наук. – М.: РГБ, 2005. – С. 42.

²³ Вазюлин, В. А. Указ. соч. – С. 115.

²⁴ Там же. – С. 251.

Но она не может возникнуть и вне обращения. Возникает противоречие. «Итак, капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»²⁵. Это противоречие К. Маркс «снимает» следующим образом. Тот факт, что капитал не может возникнуть вне обращения, означает, что прибавочная стоимость может возникнуть только из товара. Исключение же возможности возникновения капитала в обращении означает, что такой товар должен быть потреблен. «Но извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, – такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а, следовательно, созданием стоимости. И владелец денег находит на рынке такой специфический товар; это – способность к труду или рабочая сила»²⁶. Только потребляя товар «рабочая сила», владелец денег может получить прибавочную стоимость, стать капиталистом и превратить свои материальные средства в капитал.

Поскольку сама покупка (найм) рабочей силы должна происходить в строгом соответствии с законом стоимости, то остается вопрос: как же все-таки возникает прибавочная стоимость? И причем здесь эксплуатация? Дело в том, что стоимость рабочей силы определяется стоимостью необходимых для ее воспроизводства потребительных стоимостей, тогда как потребление рабочей силы, то есть сам труд, в ходе которого производятся новые потребительные стоимости, никакой стоимостью не определяется. «То обстоятельство, что для поддержания жизни рабочего в течение 24 часов достаточно половины рабочего дня, нисколько не препятствует тому, чтобы рабочий работал целый день. Следовательно, стоимость рабочей силы и стоимость, создаваемая в процессе ее потребления, суть две различные величины. Капиталист, покупая рабочую силу, имел в виду это различие стоимости»²⁷. Это различие стоимости

²⁵ Маркс, К., Энгельс, Ф. Указ. соч. – С. 158.

²⁶ Там же. – С. 159.

²⁷ Там же. – С. 184.

и есть прибавочная стоимость. Она возникает в результате того, что капиталист покупает рабочую силу как товар, а эксплуатирует труд.

Признать это буржуазные теоретики никак не могли. Поэтому «постепенно под влиянием А. Маршалла теория стоимости была вытеснена теорией цены, где изучались не основание цены, а ее зависимость от спроса и предложения и влияющих на них факторов. Цена получила дуалистическое объяснение предельными издержками и предельной полезностью (предпочтениями). Термины “стоимость” и “цена” стали употребляться как синонимы»²⁸. А. Маршалл оказался как раз тем «хирургом», который попытался привить к организму экономической теории маржинализм. В учебники по экономической теории данная операция вошла под названием «неоклассический синтез». Сегодня можно с полной уверенностью сказать, что неоклассический эксперимент полностью провалился. Как замечает один из крупнейших отечественных специалистов по фундаментальным проблемам экономической теории Р. Т. Зяблук, дуализм оказался беспомощен в объяснении ценовой соизмеримости явлений рыночной экономики²⁹. В отличие от теории полезности и воздвигнутой на ее основе теории цены Марковского трудовая теория стоимости, как показал член-корреспондент РАН, советник РАН К. К. Вальтух, поддается верификации на массовой современной статистике ценообразования³⁰. Эмпирическая верификация составляет суть принципа операционализма. Между тем, по словам Р. Т. Зяблук, «принцип операционализма используют, в частности, в качестве критического аргумента против диалектики и против трудовой теории стоимости, отвергая стоимость как неоперациональное понятие»³¹. На самом же деле оказалось, что операционализована именно трудовая теория стоимости и никакая другая из альтернативных ей. «Теория стоимости хорошо отвечает известному понятию теории вообще: отвечает критериям внешней оправданности и внутреннего совершенства», – таков вывод

²⁸ Зяблук, Р. Т. Указ. соч. – С. 9.

²⁹ Там же.

³⁰ Вальтух, К. К. Теория стоимости: статистическая верификация, информационное обобщение, актуальные выводы // Вестник Российской академии наук. – 2005. – Т. 75. – № 9. – С. 793–817.

³¹ Зяблук, Р. Т. Указ. соч. – С. 38.

К. К. Вальтуха³². Ни теория полезности, ни теория цен равновесия спроса и предложения, ни современный монетаризм этим критериям не отвечают.

Отказ от трудовой теории стоимости требовал также переключения внимания с проблем собственно сферы производства на явления в сфере обращения. Поэтому предмет экономикса намного сузился по сравнению с предметом политической экономии. «...Экономикс ведет исследования не на всей территории экономического пространства, а лишь на отдельной его части. Эту часть в обобщенном виде можно выразить как оперирование готовыми результатами экономики»³³. При таком ограничении предмета экономической науки, по мнению Р. Т. Зяблюк, «невозможно отличить истинное от видимого»³⁴.

Итак, политическая экономия К. Маркса, опирающаяся на трудовую теорию стоимости и диалектический метод, намного полнее, точнее и глубже познает предмет экономики, чем это делает мейнстрим. Только Марксова теория объясняет природу развития, поскольку сам метод включает в себя эту идею. Напротив, экономикс не способен и не пытается решить эту проблему, поскольку его метод исключает идею развития. Дело в том, что «маржинализм является адаптацией математического метода дифференциальных и интегральных исчислений, разработанного в 1666 г. Ньютоном (девять лет спустя независимо от него – Лейбницем) для количественного измерения бесконечно малых изменений физических процессов. Этот метод был создан для решения задачи определения минимальных значений функций, имеющих предел, и для вычисления скорости движения»³⁵. Маржинализм в экономической теории – это дань отжившей свой век механической научной картине мира. Сколь бы точен этот метод ни был, фиксируя и предугадывая количественные изменения, он бессилен пред лицом качественных изменений. Он не в состоянии ни объяснить, ни предвидеть их.

Отметим, что на данный изъян экономикса в свое время обратил внимание Й. Шумпетер. Он показал, что лежащая в основе нео-

³² Вальтух, К. К. Указ. соч. – С. 793.

³³ Зяблюк, Р. Т. Указ. соч. – С. 25.

³⁴ Там же. – С. 26.

³⁵ Там же. – С. 73.

классической теории модель равновесия отрицает в принципе сам факт прибыли, который и является показателем экономического развития. По признанию Й. Шумпетера, «единственной значительной попыткой обращения к проблеме развития является попытка, предпринятая Карлом Марксом»³⁶. В целом, высоко оценивая вклад К. Маркса в теорию экономического развития, он подчеркивал, что «им предпринята попытка рассмотреть развитие непосредственно экономической жизни с помощью средств экономической теории. Его теории накопления, обнищания, гибели капитализма в результате краха его экономической системы строятся действительно на идеях и соображениях чисто экономического порядка, и его взгляд постоянно направлен на достижение цели, заключающейся в том, чтобы мысленно постичь именно развитие экономики в целом, а не просто кругооборот хозяйства в определенный период времени»³⁷. К сожалению, дуализм методологии Й. Шумпетера помешал ему до конца понять содержание Марксовой теории экономического развития и значение диалектического метода. Попытку же разработки им самой альтернативной теории экономического развития, которая, как и теория К. Маркса, объясняла бы его внутреннюю логику, раскрывала бы его механизм изнутри, нельзя назвать удачной. Объяснение причин экономического развития в теории Й. Шумпетера свелось к спонтанному возникновению особых предпринимательских качеств у некоторой группы людей. Психологизм данной теории очевиден.

Не смог понять и объяснить качественные изменения в экономической системе и великий Дж. М. Кейнс³⁸. Для этого и ему надо было отбросить эклектику и стать диалектиком³⁹. Между тем и Й. Шумпетер, и Дж. М. Кейнс все-таки немного отклоняются (и даже делают небольшой шаг вперед) от неоклассического мейнстрима.

В этой связи хотелось бы высказаться относительно концепции научно-теоретического строя экономической науки, предложенной

³⁶ Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – С. 119.

³⁷ Там же.

³⁸ Зяблук, Р. Т. Указ. соч. – С. 45.

³⁹ Ильенков, Э. В. Указ. соч. – С. 169.

В. А. Канке⁴⁰. Данная концепция выстраивает экономические теории в соответствии с так называемым принципом научной актуальности, согласно которому развитая теория есть ключ к неразвитой. Сам принцип не вызывает возражений. Серьезные возражения вызывает тот порядок, в котором выстраиваются экономические теории. На первом месте стоит вероятностно-игровая теория, на втором – кейнсианство, на третьем – неоклассическая теория, на последнем – классическая (А. Смит, Дж. С. Милль, К. Маркс). Выходит, что теория игр, как самая развитая, способна объяснить любую из экономических теорий, тогда как Марксова политическая экономия, как самая неразвитая теория, не в состоянии интерпретировать, понять ни одну из неклассических экономических теорий.

На наш взгляд, критерием развитости теории является ее содержание. Более развитой теорией является та, которая глубже и полнее отражает предмет познания. Более богатое (полное и глубокое) содержание развитой теории позволяет выявить и объяснить недостатки неразвитой. Если исходить из полученных нами результатов сравнения достижений политической экономии К. Маркса с достижениями альтернативных ей экономических теорий, то в соответствии с содержательным критерием именно эта теория должна возглавлять, а не замыкать научно-теоретический строй экономической науки.

Хотя В. А. Канке и заявляет, что в основе его научно-теоретического строя экономической науки лежит критерий «концептуальной содержательности», этому утверждению противоречит отрицание им альтернативности «стоящих в строю» теорий. Действительно, отрицать альтернативность политической экономии К. Маркса и неоклассики – значит просто игнорировать их содержание. Утверждать, что они не отрицают, а взаимодополняют друг друга, может только эклектик. Но эклектик должен воспротивиться диалектике. Так и поступает В. А. Канке, изгоняя ее из «строю». «Так называемая диалектическая логика, статус которой должен быть связан прежде всего с именем Гегеля и лишь во вторую очередь с именем Маркса, не является разумной альтернативой математической логике. В науке диалектической логике, избыточной

⁴⁰ Канке, В. А. Философия экономической науки: уч. пособ. – М.: ИНФРА-М, 2007. – С. 80–113.

неясными определениями о тождестве противоположностей и достоинствах противоречий, принадлежит лишь скромное место, отнюдь не то, которое обеспечило бы триумф какой-либо, в том числе экономической, дисциплины»⁴¹. В. А. Канке не заметил, как вместе с водой (диалектикой) выплеснул ребенка (теорию К. Маркса), тем самым выдав себя. Подлинным критерием развитости экономических теорий в концепции научно-теоретического строя экономической науки является отнюдь не их «концептуальная содержательность», а используемый ими математический аппарат. Это можно объяснить открытым стремлением автора концепции вписать экономическую теорию в позитивистский контекст научного знания, для чего он прибегает к физикализму. Так, В. А. Канке сравнивает физику и экономическую теорию и обнаруживает между ними структурное сходство по такому признаку, как математический аппарат. Поскольку более развитая физическая теория использует более совершенный математический аппарат, то по аналогии с физикой и более развитая экономическая теория должна использовать более совершенный математический аппарат. В. А. Канке упускает из виду, что математический аппарат является внешним, случайным признаком развитости экономической теории. Поэтому даже если признать, что математический аппарат органически встроен в физическую теорию, аналогия между физикой и экономической теорией несостоятельна.

Насколько пагубно выводить постулаты экономической теории из математического аппарата, демонстрирует следующий пример. «Неоклассическая концепция состояние равновесия выводила не столько из экономической реальности, сколько из соотношения бесконечно малых величин дифференцируемых функций, т. е. из математического аппарата. Поэтому математически строго доказанные модели равновесия содержат вместе с тем существенное несоответствие реальной жизни. Это было доказано в 1929 г., когда неожиданно для экономистов разразилась Великая депрессия. Прогнозы же обещали процветание. С позиций теории общего равновесия всеобщий кризис был невозможен в принципе. О том, что они происходили регулярно с 1825 г., в западной литературе как-то не любят говорить. Великую депрессию запомнили, но, кажется, све-

⁴¹ Канке, В. А. Указ. соч. – С. 104.

ли ее причину к частным ошибкам Федеральной Резервной Системы США»⁴².

По справедливому замечанию Р. Т. Зяблук, «замена принципа экономического развития экономическим равновесием является регрессом в отражении наукой объективного мира»⁴³. Поэтому Марксова политэкономия явно выбивается из концепции научно-теоретического строя, элиминирующей содержательные различия между классическими и неклассическими теориями. Но экономическая теория – не армейский строй, единство которого обеспечивается формальным образом. К счастью, в ней нет такого устава, который бы удерживал в одном строю классику и неоклассику, марксизм и неопозитивизм, диалектику и эклектику. Научно-теоретический строй В. А. Канке рассыпается, а его авторская концепция не выдерживает критики.

Й. Шумпетер когда-то назвал теорию К. Маркса «экономической теорией будущего»⁴⁴. Можно с полной уверенностью сказать, что таковой она остается и сегодня.

⁴² Зяблук, Р. Т. Указ. соч. – С. 74.

⁴³ Там же. – С. 81.

⁴⁴ Шумпетер, Й. А. Указ. соч. – С. 421.